

1925 год: люди и храмы – переплетение судеб

К 1925 году Тихвинский Большой монастырь и Николо-Беседный монастырь как юридические лица прекратили свое существование.

Введенский женский монастырь, несмотря на все трудности, продолжал бороться за свое существование, хотя к началу 1925 года из 26 мантийных монахинь, подвизавшихся в нем в 1917 г., оставалось только 8. Некоторые монахини монастыря скончались, поскольку в год октябрьского переворота многим из них было уже за 70, другие не выдержали выпавших на их долю испытаний и покинули обитель.

5 февраля 1925 г. тихвинская учительница Антонина Леонидовна Остроумова записала в своем дневнике: «Сегодня разнесся слух, что всех монашек в недельный срок выселяют из монастыря, а деревенских батек свозят арестованных в Тихвин. В тот день насельницам обители объявили, что их изгоняют не только из монастыря, но и из города. На следующий день «весь монастырь походил на разрытый муравейник; складывались, вывозились и т.д. Вечером уже пришла весть, что отменили».

7 февраля А.Л.Остроумова сходила в монастырь и узнала, что «действительно пока всех оставили по контракту».

Несмотря на всю неопределенность и неустроенность, в течение 1925 г. число мантийных монахинь во Введенской обители возросло в два раза. В тот год в Зеленецком монастыре были пострижены в монашество семь послушниц обители. При постриге они получили новые имена: Анна Константиновна Гусева стала Анатолией, Анна Андреевна Житова – Августой, Евдокия Федотовна Сергеева – Евстолией, Фёкла Семеновна Паршина – Феофаней, Параскева Федоровна Дмитриева – Платонидой, Татьяна Павловна Моисеева – Трифоной и Анна Осиповна Яковлева – Алевтиной. Решение стать монахинями в такое страшное время было ярким свидетельством непоколебимости насельниц обители в православной вере.

Много мужества и стойкости требовалось и священникам Введенского монастыря. 5 февраля 1925 г. их снова взяли под стражу: по свидетельству той же А.Л.Остроумовой, «... арестовали Войка, а о. Николая Васильевского свезли в Новгород». Что послужило поводом для очередного задержания, пока выяснить не удалось.

В городе продолжали ждать, чем закончатся дела, связанные с беспорядками, возникшими при захвате обновленцами храмов Большого монастыря в сентябре 1924 г. Прошло уже почти полгода, а арестованные все еще находились в заключении, и судьба их была не определена.

18 марта 1925 г. А.Л.Остроумова запишет в дневнике: «Третьего дня – 16 (-го) кончился суд над церковниками: Потапова и Фесенко приговорили 2 года сидеть, а также двух монахов; остальных судили условно или же совсем оправдали».

Через девять месяцев после произошедших в Большом монастыре событий, 19 июня 1925 г., определилась и судьба основных участников «контрреволюционной церковной группы», вдохновителем и организатором которой был назван епископ Антоний (Демянский). Хотя все проходившие по делу виновными себя не признали, Особое Сочещание при Коллегии ОГПУ приговорило их к трем годам концлагерей.

Несмотря на то что советская власть уже достаточно ясно обозначила свою непримиримую позицию по отношению к патриаршей Церкви, священнослужители и миряне продолжали защищать чистоту веры, каноничное устройство Русской Церкви и отстаивать свое право на ведение религиозной жизни в соответствии со своими убеждениями.

Так, прихожане Введенского женского монастыря несколько раз за год посылали в органы власти прошения о регистрации религиозной общины, получая отказы один за другим. Первое заявление древне-канонической религиозной общины Введенского монастыря с просьбой о регистрации Тихвинский административный отдел (адм.дел) исполкома под грифом «секретно» направил в Череповецкий ГИК 25 апреля 1925 г. Решение о регистрации данной общины Тихвинский исполком передал в распоряжение губисполкома, но высказал к этой ситуации свое отношение: «...со своей стороны полагаем, что Введенский монастырь вновь открыт быть не может».

13 мая пришел такой ответ: «Община бывшего Введенского монастыря зарегистрирована быть не может, так как постановлением ГИКа от 31 июля 1924 г. таковая община закрыта впредь до устранения служителей культа, опороченных по суду, что общиной не исполнено, т. к. в представленных списках фигурируют те же служители культа. Означенное объявить общине».

Но община не сдавалась. 19 мая начальник адм.дела УИКа Архипов был вынужден послать в Череповец новый рапорт, в котором он доносил, что древне-канонической общине бывшего Введенского монастыря было объявлено о причинах закрытия церкви. Но после этого представители общины доставили в трех экземплярах новый список «с просьбой опороченных по суду служителей из списков исключить». На их место община выбрала Дмитриева (иеромонаха Успенского монастыря Арсения (Дмитриева) – прим. автора), который 5 месяцев находился в Исправдоме по делу, возникшему в бывшем Большом монастыре Тихвина, но Губернским судом за недоказанность преступлений был оправдан и из-под стражи освобожден.

21 мая 1925 г. начальник административного отдела Тихвинского УИКа в дополнение к уже отосланному 2 апреля и 19 мая рапортам предоставил два экземпляра списка, приложенных к заявлению религиозной общины Введенского монастыря, и один экземпляр списка на служащих культа. При этом доносил, что раньше они не были посланы лишь потому, что административный отдел УИКа не рассчитывал на регистрацию данной общины, так как в черте бывшего Введенского монастыря находится Исправтруддом. Кроме того, отмечалось, что при проверке имущества, сданного в пользование данной общины, не оказалось ряда вещей, указанных в акте от 25 октября 1924 г., за что община в лице уполномоченных, подписавших договор, подлежала ответственности. На основании изложенных фактов он просил губернский исполком данной общине в регистрации отказать, что Череповецкий ГИК и 22 июня 1925 г. и сделал.

Община должна была сдать имущество под охрану УИКа, в том числе и ключи от храмов, до того момента находившиеся у церковного совета. 3 июля все было передано в ведение Местхоза.

Но прихожане Введенского женского монастыря не отступали. 31 октября 1925 г. состоялась заседание президиума Череповецкого ГИКа, на котором рассматривалось очередное «ходатайство религиозной общины древне-канонического течения об открытии Введенского монастыря». Президиум постановил: «Учитывая, что религиозные нужды верующих, староцерковников, обслуживаются полностью другими близлежащими церквями, а монастырь занят частично Исправтруддомом и предположено Губздравом использовать под психиатрическую больницу – вопрос о передаче или закрытии оставить открытым. Обязать УИК и Губздрав срочно выяснить возможность приспособления монастыря под больницу. УИК более подробно учесть нужды верующих».

5 декабря 1925 г. решался вопрос о возможности размещения в зданиях Введенского женского монастыря психиатрической больницы. Комиссия произвела осмотр всех зданий, находившихся на территории Введенского монастыря, и пришла к выводу, что имеющиеся строения приспособить под психиатрическую больницу было невозможно. Все осмотренные каменные помещения (за исключением храмов) представляли собой мрачные и сырые здания; «потолки на расстоянии 3-4 аршин, окна малы и не соответствуют площади пола, помещения корпусов разделены внутри капитальными стенами с отдельными входами в каждое отделение».

От идеи размещения в бывшем Введенском женском монастыре психиатрической больницы было решено отказаться. Тем не менее, вопрос с регистрацией древне-канонической религиозной общины при Введенском монастыре на конец 1925 года оставался открытым.

Драматично складывалась ситуация и с регистрацией «древне-канонической общины» при Спасо-Преображенском соборе. В сентябре 1924 г. священнослужители-обновленцы из собора были изгнаны. Николай Богословского, которого прихожане планировали оставить священником общины, Уездный исполком тогда не утвердил, поскольку он относился «к антисоветскому элементу, привлекался к ответственности и был заключен в концентрационный лагерь в г.

ИЗ ИСТОРИИ ТИХВИНСКИХ МОНАСТЫРЕЙ И ХРАМОВ

Череповце». Община нашла нового священника. Им стал протоиерей Александр Евгеньевич Советов, приехавший в наш город из Вологодской губернии. В течение нескольких месяцев 1924-1925 гг. он являлся настоятелем тихвинского Спасо-Преображенского собора.

Но постановлением ГИКа от 17 февраля 1925 г. договор с общиной Спасо-Преображенского собора вновь был расторгнут. Формальной причиной его расторжения стало обнаружение умышленного сокрытия имущества и обслуживание общины лицами, опороченными по суду. Верующим было объявлено, что заключение нового договора возможно при условии устранения причин расторжения прежнего. После этого община вновь раскололась на два течения: «православное новое» и «православное старое».

В марте образовавшаяся группа обновленцев ходатайствовала об удовлетворении ее молитвенным помещением, и ей был предоставлен Спасо-Преображенский собор, который и ранее, до изгнания, находился некоторое время в ее пользовании. 7 марта И.П.Мордвинов записал в своем дневнике: «Был Вл. — он запечатал собор, который передается обновленцам».

Члены общины древне-канонической Церкви, конечно, протестовали против передачи собора обновленцам. В апреле они ходатайствовали о возвращении храма, но получили от губисполкома отказ. Верующие не отступали, тогда им 22 апреля 1925 г. была предоставлена в пользование Полковая церковь. Регистрация общины древне-канонической Церкви при этом храме состоялась 16 июня 1925 г. Число учредителей составляло 52 человека. В представленных списках священнослужителей фигурировали совершенно новые люди, поскольку ранее предложенные Николай Богословский и Василий Войк адм.делом исполкома были отвергнуты.

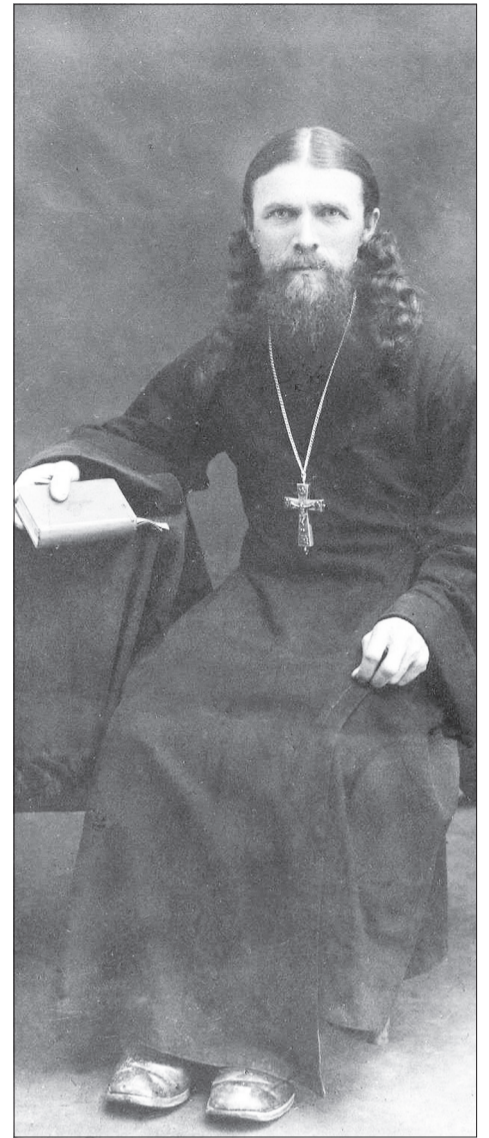
Кто служил в Полковой церкви с июня по ноябрь 1925 г., пока выяснить не удалось. В ноябре 1925 г. президиум общины при церкви Всех Святых (Полковой), бывших прихожан Спасо-Преображенского собора, подав заявление в Тихвинский уездный адм.дел о регистрации в качестве члена общины и ее настоятеля священника Николая Васильевича Посунько. На данный момент не совсем ясно, жил ли Николай Васильевич в тот период времени в Тихвине, приезжал ли время от времени с миссионерскими целями или планировал перебраться в наш город на постоянное жительство. Известно, что некоторое время, с 31 мая 1916 г., он служил в церкви святой мученицы царицы Александры с. Бабиной Петергофского уезда Санкт-Петербургской губернии.

Тихвинский адм.дел обратился за консультацией по этому вопросу в адм.дел Череповецкого губисполкома, а тот, в свою очередь, — к начальнику Череповецкого ОГПУ Шилкину. Ответ Шилкина, направленный под грифом «секретно-срочно», не оставлял для общины никаких надежд на благоприятный исход дела. Указывалось, что священник Н.В.Посунько проходил по следственному делу в Тихвине еще в 1924 году. Он обвинялся в организации и проведении религиозных бесед и создании юношеских кружков. По мнению Череповецкого ОГПУ, с его приездом могла еще больше увеличиться политическая агитация, «могущая вызвать нежелательные для власти эксцессы». Возникали опасения, что деятельность данного священника могла еще больше укрепить позиции патриаршей Церкви.

В тот же день, когда была зарегистрирована община древне-канонического течения при Полковой церкви, 16 июня 1925 г., возбудила ходатайство об удовлетворении ее храмом и бывшая община Пантелеймоновской церкви, которая оставалась без молитвенного здания, так как церковь св. Пантелеймона была передана в пользование общине Большого монастыря. Видимо, ее ходатайство тоже было удовлетворено.

31 декабря 1925 г. Череповецкий губернский прокурор затребовал от Тихвинского исполкома сведения о религиозной направленности общин при тихвинских храмах. 14 января 1926 г. они были направлены под грифом «совершенно секретно» в президиум Череповецкого ГИКа, а 9 февраля 1926 г. — в адрес губпрокурора.

Информация, содержащаяся в официальных письмах, говорит, что обновленческие общины были зарегистрированы при Большом монастыре, Спасо-Преображенс-

Иеромонах Филарет Карзанов.

ком соборе и приписанной к нему кладбищенской церкви Иова Многострадального, а также при Знаменской церкви. На весь Тихвин было 816 прихожан-обновленцев. При этом в их пользовании было 11 храмов, 8 из которых — в Большом монастыре.

На самом же деле обновленческая община, зарегистрированная при монастыре, пользовалась только двумя храмами: Успенским собором и теплой Покровской церковью. Церковь «Крылечко» пустовала, стояла холодной, богослужение происходило в ней только один раз в год. Церковь 12-ти апостолов, а также Крестовоздвиженская и Вознесенская были заняты музеем, богослужения в них не совершались. Церковь свт. Николая Чудотворца была к тому времени полностью разрушена, а имущество из нее перенесено в другие храмы. Церковь «Всех скорбящих радость» при монастырской богадельне находилась, как было написано, «в здании электростанции», ее планировалось приспособить под клуб.

Самая большая община древне-канонической Церкви была при самом маленьком тихвинском храме Всех Святых (Полковой церкви). За полгода число членов общины возросло до 1251 чел. В нее, кроме прихожан Спасо-Преображенского собора, которые и основали общину, влилась часть бывших прихожан Введенского монастыря, оставшихся без храмов обители. Кроме этого, общины «старого течения» были при Пантелеймоновской церкви, при Николо-Беседном монастыре и при Николо-Боровинской церкви. Последние две находились «в 3-верстном радиусе» от Тихвина.

Таким образом, число членов патриаршей Церкви, которых называли «староцерковниками» или «тихоновцами», превышало количество обновленцев в Тихвине в 1925 г. в 2,6 раза. В зарегистрированных списках их было в общей сложности 2123 человека.

В 1925 г. в Тихвин приезжали Череповецкий епископ Сергей (Озерецковский) и епархиальный миссионер протоиерей Иоанн Мальцев. В докладе Епархиальному управлению они сообщали, что в Тихвине «засилье тихоновцев велико» и что обновленческие храмы малопосещаемы.

Так складывалась судьба храмов в 1925 году.

Продолжение следует.

Светлана Старшинина.